

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Барановичский государственный университет»
Студенческое научное общество БарГУ

СОДРУЖЕСТВО НАУК. БАРАНОВИЧИ-2016

Материалы XII Международной
научно-практической конференции
молодых исследователей

(Барановичи, 19—20 мая 2016 года)

В трёх частях

Часть 1

Барановичи
БарГУ
2016

В часть 1 сборника материалов XII Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Содружество наук. Барановичи-2016» включены материалы докладов по актуальным проблемам различных научных направлений: филологические науки (русский, белорусский языки); лингвистика (английский, немецкий языки); методика преподавания иностранного языка, правоведение.

Сборник адресован преподавателям и студентам учреждений высшего образования, магистрантам, аспирантам.

Редакционная коллегия:

А. В. Никишова (гл. ред.), А. В. Прадун, В. Н. Кременевская (отв. секретари),
О. Н. Фенчук, Т. М. Пучинская, А. А. Савко, Н. А. Егорова, М. В. Андрияшко

Рецензент

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой германских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета М. Ф. Арсентьева

Глагол *таять* отражает в основном значении природный процесс: 'превращаться в жидкое состояние под действием тепла, *влагивать*' (*Снег тает. Лыжина тает*). Переносное значение глагола *таять* отражает положительное, приятное, желаемое субъектом эмоциональное состояние: *разг.* 'приходить в умилённое, разнеженное состояние; *млеть*' (*Она и гордилась им, и умилялась перед ним и перед собой и своей любовью, и вся млела и таяла от любви к нему; — Люблю гармонистов, тает моё сердце перед ними*).

Заключение. Исследование глаголов, входящих в тематическую группу названий природных процессов и явлений, показало, что образование переносных модальных значений в семантике указанных слов — явление достаточно частотное. К группе глаголов, называющих природные процессы и явления, причисляются следующие глаголы: *бурлить, бушевать, возгореться, волновать, вслыхнуть, затуманиться, кипеть, таять* и др. В переносных значениях рассмотренных глаголов выражается модальность желательности, стремления (или их оттенки), регулярно сопровождающаяся семантикой эмоционального отношения (модально-оценочные значения представлены в семантической структуре глаголов *вслыхнуть, волновать, кипеть*). В некоторых случаях семантика эмоционального отношения или/и состояния в производных значениях выходит на первый план (*затуманиться, таять*).

Список цитируемых источников

1. Харченко В. К. Переносные значения. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 198 с.
2. Там же. С. 93.
3. Ляпон М. В. Модальность // Лингвист. энциклопед. слов. / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 303—304.

УДК 811.161.3'42:821.161.3-31*С.Алексиевич

Е. В. Дудко

Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Гомель

СПЕЦИФИКА ЗАГЛОВОЧНО-ФИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА РОМАНА С. АЛЕКСИЕВИЧ «ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ МОЛИТВА»

Введение. Объектом исследования является заголовочно-финальный комплекс романа С. Алексиевич «Чернобыльская молитва». Для творчества С. Алексиевич характерна повышенная фрагментарность и разьединение частей в зависимости от носителя повествования. Важными околотекстовыми элементами являются заглавия, эпиграфы и предисловия, эпилоги, которые в романе выполняют номинативную и синтезирующую функции.

Основная часть. Обратимся к сильной позиции текста — заглавию. Как отмечает Н. А. Сивакова, заглавия в творчестве С. Алексиевич «обладают повышенной семантической автономностью» [1, с. 181]. Заглавие концентрирует и передаёт основную тему произведения. Название полностью определено описываемыми событиями. Однако почему «молитва»? В «Чернобыльской молитве» характерные черты этого жанра практически редуцированы, это указывает на то, что автор, давая такое название своему произведению, заостряет внимание не на жанре молитвы, а скорее на тематическом содержании романа. О молитве нередко заходит речь и в самом тексте: «Молимся каждый день Богу...»; «...были коммунисты вместо Бога, а теперь остался один Бог. Молимся» [2, с. 68, 77], «Всё живое на четырёх ногах <...> к земле тянется. Один человек на земле стоит, а рукой и головой к небу поднимается. К молитве... К Богу» [3], «Молитесь! Это конец света» [4]. После краха науки человек вновь обращается к Богу. Именно поэтому в заглавие романа вынесено наименование молитва. По мнению автора, современному человеку, чтобы справиться с катастрофой такого масштаба, необходимо прибегнуть к покаянию и молитве, обращённой к Богу. Чернобыльские события оказались не только научной и социальной катастрофой, но и моральной. Для человека, пережившего Чернобыль, большого физически и, главное, душевно, молитва оказывается единственным средством спасения. Очевидно, что для того, чтобы достоверно описать страдания народа, историю его души, необходимо выбрать такую форму, которая сможет объективно выразить всю боль человека, его «воплль» и мольбу. Такой формой становится молитва, одна из самых древних словесных форм раскрытия мыслей. Молитва — религиозный жанр, но использование С. Алексиевич элементов этого жанра в документально-художественной литературе продуктивно потому, что молитва позволяет этот человеческий документ возвысить до крайней степени.

У романа «Чернобыльская молитва», кроме прочего, есть подзаголовок «Хроника будущего». Данный подзаголовок отражает мысли С. Алексиевич о последствиях чернобыльской катастрофы — в этом сочетании слов можно уловить призыв людей к разумному использованию ресурсов и постапокалиптические мотивы. Если обратиться к литературоведческому словарю, то мы обнаружим такое определение хроники: «литературный жанр, предполагающий достаточно точное воспроизведение исторических событий с сохранением временной последовательности» [5, с. 123]. Таким образом, слово «хроника» ориентирует читателя на документальность, на абсолютную достоверность текста произведения. В подтверждение этой мысли можно процитировать слова самой С. Алексиевич: «Мне иногда казалось, что я записываю будущее...» [6].

Ещё одним элементом заголовочно-финального комплекса является эпитафия. В качестве эпитафии к роману «Чернобыльская молитва» С. Алексиевич использует слова философа М. Мамардашвили: «Мы воздух, мы не земля...». Данный эпитафия полностью выполняет свою непосредственную функцию: эти слова выражают как метафорический смысл, так и буквальный. В романе нередко речь идёт о земле, о том, как она была кормилицей, а стала убийцей. Показательны цитаты из первой главы «Земля мёртвых»: «Я показываю: “Какая красивая земля!” <...> “Да, — отвечает кто-то из немецкой группы, говорящий по-русски, — красивая, но отравленная”. У него в руках — дозиметр» [7]. «Хоронили землю в земле...» [8]. «А земля “говорящая” потому, что мы кушаем землю, то есть из земли строимся...» [9]. На первый взгляд может показаться, что в эпитафии указана бинарная оппозиция воздуха и земли. Однако в романе врагом оказывается не только земля, но и воздух: «Газеты писали: “воздух над реактором чистый”. Читали, смеялись, матюгались. Воздух чистый, а мы дозы вон какие хватаем» [10]. Следовательно, эпитафия выражает идею о том, что человек потерял опору в жизни, землю, которая его породила, и стал тем отравленным воздухом, который «повис» над Землёй. Слова «мы воздух» означают, что наши ценности, надежды на будущее стали эфемерными, подвергнутыми риску так же, как воздух над реактором.

Обрамляющими частями можно считать «Историческую справку» и «Вместо эпилога». В «Исторической справке» приводятся факты в официальных формулировках и цифрах. Эту часть условно можно назвать «вместо предисловия», так как она открывает повествование. От предисловия эта часть отличается отсутствием авторской субъективности, сухость изложения фактов готовит читателя к общей тональности книги. Однако подбор газетных строк сам по себе отражает позицию автора, именно поэтому можно сказать, что «С. Алексиевич использует предисловие как ресурс авторского направляющего слова» [11, с. 74]. Единственным повествовательным пространством для высказывания собственных мыслей автору остаётся «Интервью...», которое включается в основное содержание. Эту часть С. Алексиевич не случайно называет «интервью», так как в ней присутствуют формальные показатели этого жанра (вопросно-ответные формулировки «О чём эта книга? Почему я её написала? — Эта книга не о Чернобыле, а о мире Чернобыля» [12]). Содержание же беседы «самой с собой» открывает читателю авторскую позицию, философские мысли и эмоции, пережитые «интервьюируемой».

Роман состоит из трёх глав — «Земля мёртвых», «Венец творения», «Восхищение печалью». Заглавие первой главы сочетает в себе оксюморон для русского человека — земля как воплощение рождения и смерть. Землёй мёртвых становится часть до этого процветавшей страны; урожай, воздух и даже дома становятся угрозой жизни, земля из кормилицы превращается в убийцу. Таким образом, название главы располагает читателя к восприятию трагедии, случившейся на родной земле.

Вторая глава носит название «Венец творения». В христианской традиции венец творения — это человек, ради которого и был создан мир, наиболее близкий к Богу человек. В контексте романа «Чернобыльская молитва» такое название звучит иронично. Человек науки, прогрессивный разработчик объекта, подобного Чернобыльской АЭС, не способен быть создателем в сакральном смысле слова, он не может быть Богом и становится убийцей. Употребление С. Алексиевич этого устойчивого выражения в качестве названия раскрывает общую ироническую тональность книги, в частности главы.

Третья глава носит название «Восхищение печалью». В монологах, входящих в состав этой главы, люди рассуждают о русском менталитете, о героизме и энтузиазме. В названии вновь встречается оксюморон: восхищение как положительное явление и печаль — как отрицательное. Глава начинается с «Монолога о том, чего мы не знали: смерть может быть такой красивой». Этот монолог не случайно открывает главу — слова первой героини задают тон повествованию, направляя мысли читателей в правильное русло: «Невероятный цвет. Это был не обыкновенный пожар, а какое-то свечение. Красиво. Если забыть об остальном, то очень красиво» [13]. В этих словах сочетается и восхищение от увиденного, и горечь поражения, печаль.

Элементом рамы произведения является и часть «Вместо эпилога». Со временем этот элемент повествования увеличился от одной строчки до страницы. В издании романа 1998 г. была приведена цитата из газеты: «...Киевское бюро путешествий предлагает поездки в город Чернобыль и мёртвые деревни... Разумеется, за деньги. Посетите ядерную Мекку...» [14, с. 223]. Со временем к этим строкам добавился авторский комментарий, в котором С. Алексиевич в ироническом ключе характеризует туристические маршруты по Чернобылю: «Здесь ещё сохранились лозунги коммунистических времён — их и радиация не берёт» [15]. Описание этого путешествия направляет читателя на мысль, что современный человек потерял ориентир, что сейчас ужасы катастрофы с лёгкостью продаются, а ведь для кого-то это было реальностью.

Заключение. Рамочные элементы в творческой системе С. Алексиевич становятся важнейшими структурными элементами романа. Заглавия и глав, и романа в целом выражают авторское отношение к описываемым событиям, создают единое композиционное целое. Автор использует различные рамочные элементы в трансформированном виде: «вместо эпилога», «интервью автора с самой собой» и др.

Список цитируемых источников

1. Сивакова Н. А. Функции заглавий в повествовательной структуре документальных произведений С. Алексиевич // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. 2011. 2 (65). С. 179—181.
2. Алексиевич С. Чернобыльская молитва: Хроника будущего. М. : Время, 2007. 384 с.
3. Там же. С. 100.
4. Там же. С. 352.
5. Суслова Н. В., Усольцева Т. Н. Новейший литературоведческий словарь-справочник для ученика и учителя. Минск : Белый ветер, 2003. 152 с.

6. Алексиевич С. Чернобыльская молитва: Хроника будущего. С. 51.
7. Там же. С. 351.
8. Там же. С. 137.
9. Там же. С. 139.
10. Там же. С. 296.
11. Сивакова Н. А. Предисловие в творческой системе С. Алексиевич: состав, функции, внутренняя организация // Христ. гуманизм и его традиции в славян. культуре : сб. науч. ст. / Гомел. гос. ун-т ; редкол.: Т. Н. Усольцева (гл. ред.) [и др.]. Гомель, 2010. Вып. 2. С. 73—77.
12. Алексиевич С. Чернобыльская молитва: Хроника будущего. С. 37.
13. Там же. С. 247.
14. Алексиевич С. Чернобыльская молитва. М. : Остожье, 1998. 223 с.
15. Алексиевич С. Чернобыльская молитва: Хроника будущего. С. 379.

УДК 811.161.3:82-31Разанаў

М. В. Ермаловіч

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

СІНТАКСІЧНЫЯ СРОДКІ ПАМЯНШЭННЯ АБ'ЁМУ ВЫКАЗВАННЯ Ў ТВОРАХ АЛЕСЯ РАЗАНАВА

Уводзіны. Важнае месца сярод граматычных экспрэсіўных сродкаў адводзіцца сінтаксічным, якія ўжо даследаваны ў працах Г. М. Акімавай, В. В. Аляксандравай, Э. М. Берагоўскай, Ю. М. Маліновіч, В. А. Маславай, А. П. Скавароднікава і інш. Як адзначае Н. Э. Шандорха, «экспрэсіўнымі лічацца ўсе фігуры маўлення, пераважная частка якіх заснавана на законах сіметрыі — сінтаксічны паралелізм, антытэза, хіязм, полісіндэтон і іншыя. І, наадварот, парушаецца сіметрычная структура ў інверсіі, сегментацыі, парцэляцыі, эліпсісе і інш.» [1, с. 7]. Сінтаксічныя фігуры часта «актыўна ўзаемадзейнічаюць паміж сабой, умацняюць эстэтычную выразнасць і эмацыянальнасць выказвання, пазбаўляюць мастацкую мову аднастайнасці, надаюць ёй стылістычную разнастайнасць і тым самым дапамагаюць лепш выявіць вобразную думку пісьменніка, перадаць яго душэўнае хваляванне» [2, с. 302]. Да сінтаксічных сродкаў выражэння эмоцый даследчыкі адносяць сінтаксічныя фігуры павелічэння і памяншэння аб'ёму выказвання. У сваіх творах А. Разанаў актыўна выкарыстоўвае экспрэсіўныя сінтаксічныя фігуры.

Асноўная частка. Да сінтаксічных фігур памяншэння аб'ёму Н. Э. Шандорха адносіць: эліпсіс, эсіндэтон, умаўчанне, зеўгму. Фігуры з памяншэннем аб'ёму выказвання, абумоўленыя тэндэнцыяй да эканоміі моўных сродкаў, дазваляюць максімальна перадаць змест пры мінімальнай затраце моўных сродкаў, надаюць маўленьню энергічнасць.

Умаўчанне як прыём экспрэсіўнага сінтаксісу — «пропуск таго, што вельмі значна. Гэта сінтаксічная фігура, пры якой маўленне з'яўляецца рэзка абыгрываецца, каб перадаць пэўныя эмоцыі гаворачага, зразумелым становіцца толькі агульны сэнс выказвання. Графічна гэта фігура абазначаецца шматкроп'ем» [3]. У творах А. Разанава знаходзім прыклады ўмаўчання:

– у пачатку сказа: ...Сілай апоры пераадолеўшы сілу цяжару, выкінуся на тратуар [4, с. 26]; ...Мэта мэты — станавіцца ўсім жыццём [5, с. 256]; ...Прыпаў да занавескі // знясілены // прамень, // акамянела вестка... [6, с. 269] і інш.;

– у сярэдзіне сказа: Праз акуллары: ніводнай карціны не для сябе і для сябе ніводнай... // што бачыць у змроку сава чаго я не бачу... // карціны ўбіраюць змок праз чуйныя акуллары [7, с. 100]; Людзі, што мне сустрэліся ўчора і пазаўчора і што сустракаюцца сёння... // уваходзяць яны ў мой лёс, быццам яны гэта я таксама [8, с. 97]; І я паспеў: я той, хто не свіння... // я той, хто не свіння... // паспеў прамовіць // і закруціўся, згінуў... [9] і інш.;

– у канцы сказа: Тут нешта тоіцца, // нешта хаваецца, // нешта ўхіляецца ад разгляду...; Абуджаюся і засынаю, // а ўсё няпоўны мой сон, усё няпоўнае абуджэнне... [10]; У завеі — зямля, у завеі — дрэвы, людзі, якія жылі і якія яшчэ не жылі, у завеі, // і я таксама ў завеі... [11] і інш.

Даследчык А. Багамолава адзначае, што «разнастайнасць эмоцый, укладзеных у ўмаўчанне, перадаецца не толькі зместам выказвання, але і пунктуацыйна, паколькі незавершаная думка можа афармляцца як адным шматкроп'ем, так і камбінаваннем яго з іншымі знакамі прыпынку» [12, с. 88]. Пісьменнік А. Разанаў часта спалучае шматкроп'е з клічнікам, пытальнікам, клічнікам і пытальнікам разам узятымі, напрыклад: Боязь засцерагае: у будучыні — смерць!.. // Адвага натхняе: у будучыні — неўміручасць!.. [13]; Знямелыя дрэвы // ахутаў спагядлівы снег: // ён — цёплы?! [14, с. 75]; А дзе было пуста — думаў: куды дзяваюцца слімакі?.. Куды дзяваюцца слімакі з ракавак?.. [15] і інш.

Умаўчанне можа завяршаць такую стылістычную фігуру, як рытарычнае пытанне — «разнавіднасць пытальнага сказа, яно заключае ў сабе сцвярджэнне ці адмаўленне пэўных рэалій» [16], напрыклад: Хіба ўвесь шлях чалавека абмежаваўся зямлёй?! // Хіба ўвесь сэнс чалавека замкнуўся наўколле?! // Хіба мае моц і вагу адно толькі тая думка, якая засціць?! [17]; У чым справядлівасць — што людзі жывуць або што паміраюць?.. // У чым справядлівасць для іх і ў чым для цябе?.. [18]; Хіба, каб адолець дарогу спаўна, канчаткова, дарэшты, трэба спаткнуцца аб кожны камень, зваліцца ў кожную яму, патрапіць у кожны след?! Хіба трэба кожнаму быць адразу